

ными или эксплицитными семами 'человек/люди'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гоголь Н.В. Собр. Соч. в 6 тт. Т.3. //Петербургские повести // Шинель. – М., 1959. – 365 с.
2. Толковый словарь русского языка/Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1-4. – М., 1935-1940. Эл. версия.
3. Словарь синонимов русского языка/ ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 2001. – 648 с. – С. 60, 157.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М., 2004. – С. 948-960.

T. Ryabinicheva

IMAGE OF STREET IN THE "OVERCOAT" N. GOGOL'S: ASPECTS OF THE NOMINATION AND PREDICATION

Abstract. In the article artistic space of Petersburg in N. Gogol's «Overcoat» is examined through predicative constructions in combination with a lexeme «street» on purpose to reveal characteristic features of the capital's streets.

Key words: nomination, predication, predicate lexicon, N. Gogol's idiosyncrasy.

УДК 811.161.1'37

Ткаченко О.Ю.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЕКСТОВ ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ И ЖИТИЯ СТАРЦА ЗОСИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу системы значений ключевых «символических» слов в текстах двух «идеологических центров» романа, а также описанию семантических процессов и трансформаций в этой системе, существенных для формирования идиостиля писателя и композиции «Братьев Карамазовых».

Ключевые слова: лексико-семантические связи, лексико-семантическое поле моральной оценки, «символические» слова, семантика, идиостиль Ф.М. Достоевского.

Целью настоящего исследования является изучение лексико-семантических связей текстов Легенды о Великом инквизиторе и Жития старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [1].

Согласно первоначальному творческому замыслу Ф.М. Достоевского, последнее слово старца Зосимы должно было войти в кульминационную книгу «Pro и contra», чтобы в ней стать, по словам самого Достоевского, «опровержением богохульства». Позднее, когда стало известно, что поучение Зосимы составит отдельную книгу, Достоевский писал в письме К.П. Победоносцеву: «ответом на всю эту отрицательную сторону я и предположил быть вот этой 6-й книге, «Русский инок», которая появится 31 августа

та. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она *достаточным ответом*. Тем более, что ответ-то ведь не прямой, не на положения прежде выраженные (в «Великом инквизиторе» и прежде) по пунктам, а лишь косвенный. Тут представляется нечто прямо противоположное выше выраженному мировоззрению, – но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине» [1, 30, 122]. Таким образом, оба текста (Легенда и Житие) являются ключевыми идеологическими центрами романа, в котором «идея становится центром и своего рода героем» [2, 262].

Весьма важно также и то, что Легенда о Великом инквизиторе и Житие являются вместе с тем и двумя *произведениями* главных его героев. То, что инквизитор – плод фантазии и выразитель идей Ивана, очевидно, но стоит обратить внимание и на авторство Жития старца Зосимы. Традиционно в литературоведческих работах приводится подробный анализ образа инквизитора именно как героя поэмы Ивана и связи этого образа с мыслями и идеями автора поэмы, тогда как образ Зосимы, насколько нам известно, ранее не рассматривался в контексте отображения в нем идей другого героя «Братьев Карамазовых» – Алеши как автора Жития. Между тем указание на это содержится не только в заглавии второй части «Русского инок», но

* © Ткаченко О.Ю.

и непосредственно в его тексте. Достоевский несколько раз обращает внимание читателя на то, что последнюю беседу со старцем в такой форме записал Алеша «некоторое время спустя по смерти старца на память. Но была ли это вполне тогдашняя беседа или он присовокупил к ней в записке своей и из прежних бесед с учителем своим, этого уже я не могу решить, к тому же вся речь старца в записке этой ведется как бы непрерывно, словно как бы он излагал жизнь свою в виде повести, обращаясь к друзьям своим, тогда как без сомнения, по последовавшим рассказам, на деле происходило несколько иначе», «много Алеша взял из прежних бесед и совокупил вместе», «Из поучений же его и мнений сведено вместе, как бы в единое целое, сказанное очевидно в разные сроки и вследствие побуждений различных» [1, 14, 260]. Столь пристальное внимание автора к этому факту, а также то, что последняя беседа со старцем состоялась у Алеши непосредственно после разговора с Иваном, позволяет рассматривать текст Жития как своеобразный *ответ* Алеши на услышанное им от Ивана, ответ, который юноша ищет в поучениях своего духовного наставника, но излагает в необходимом ему виде.

Таким образом, взаимосвязь текстов легенды о Великом инквизиторе и Жития старца Зосимы представляется не просто интересной и значимой для понимания творческого замысла Достоевского, но многоуровневой и разнотемной (с одной стороны, перед нами две философско-идеологические и морально-этические позиции, с другой – метафорический спор двух братьев о добре и зле).

Уже первое прочтение выбранных эпизодов романа обнаруживает тесную взаимосвязь этих текстов в первую очередь на лексико-семантическом и, уже как следствие, – на идейном уровне. Слова, являющиеся ключевыми в «Легенде о Великом инквизиторе», повторяются в «Житии старца Зосимы», приобретают в нем иное, а зачастую и прямо противоположное значение, определяя характер словесных рядов и композицию романа как целого.

Итак, в центре нашего внимания – языковые единицы, наиболее значимые для понимания этических представлений героев Достоевского, ключевые слова исследуемых текстов. Ключевые, или так называемые «символические» или «лозунговые» слова [3], играющие важнейшую роль в теории аргументации и в идеологических практиках. «Символическими», или «лозунговыми»,

называются такие слова, которые, благодаря расплывчатости своих значений, обретают внутреннее наполнение в соответствии с представлениями и желаниями говорящего. Ученые отмечают, что для таких слов «чрезвычайно значим оценочный компонент значения», что неудивительно, учитывая первичность воздействующей функции подобных слов. Становясь ключевыми в аргументативной системе, они не только обнаруживают между собой самые неожиданные парадигматические и синтагматические связи, благодаря гибкости своих семантических отношений, но и формируют особую систему морально-этических оценочных значений, составляющую ядро определенной идеологической модели.

Первое и важнейшее из символических слов исследуемых текстов – слово «свобода». Оно обращает на себя внимание прежде всего своей частотностью в этом тексте. Согласно данным «Статистического словаря языка Ф.М. Достоевского» [4], частота употребления слов «свобода», «свободный» составляет в художественных текстах Ф.М. Достоевского 17 словоупотреблений на 100000 лексических единиц (т. е. приблизительно 0,016 процента), в то время как для текста легенды о Великом инквизиторе этот показатель равен 1,65 процента, превышая средний показатель во всем корпусе художественных текстов более чем в семьдесят раз. Столь значительная разница не может не свидетельствовать о важности лексем «свобода», «свободный» для исследуемого текста.

Главный упрек инквизитора Христу заключается в том, что тот не пожелал отнять у человека *свободы*, возвеличить себя над ним, доказать свою власть: «Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел?» – спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, – «нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей *свободы*, за которую ты так стоял, когда был на земле» [1, 14, 228].

Значение слова «свобода» в употреблении инквизитора можно определить как «противление любым формам влияния извне». В данном значении это слово противопоставлено основным способам воздействия на человеческое сознание, таким как «чудо», «тайна», «авторитет», о чем речь пойдет далее («жаждал *свободной* веры, а не *чудесной*). Между тем, «свобода», в данном значении, немислима для человека в его «земных» устремлениях, поскольку закон земной тре-

бует некой организации в виде власти «*сильных*» над «*слабыми*»: «хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою» [1, 14, 231].

Сочетаемость лексических единиц в речи инквизитора с производными исследуемого слова (*свободная* любовь, *свободная* вера, *свободная* жертва, *свободный* ум, *свободное* решение, *свободное* знамя), позволяет утверждать, что в его системе ценностей значение слова «свобода» ограничивается ее противопоставленностью воле некой высшей силы, закону, порабощению. Как представляется, из девяти значений слова «свобода», приводимых «Малым академическим словарем» (далее МАС) [5], актуальными для данного текста являются следующие три: «Отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-л. класса или общества в целом», «Личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого-л.», «Возможность действовать в какой-л. области без ограничений, запретов, беспрепятственно». Следует отметить, что каждое из этих значений обладает признаком независимости человека от какой-либо весьма конкретной внешней силы, особенно другого человека или группы людей. На этом семантическом основании и возникает центральная формула инквизитора о том, что люди никогда не смогут быть свободными, потому что «малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики», и сами поймут это, осознают необходимость власти над собой.

По мысли инквизитора, человеку, столь ничтожному по своей природе, недоступно не только осуществление своей *свободной* воли, но и само *осознание* значения слова «свобода»: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом *свободы*, которого они, в простоте своей и прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее *свободы!*» [1, 14, 230]. Именно поэтому, по мысли инквизитора, основным вопросом человечества становится: «кому бы передать поскорее тот дар *свободы*, с которым это несчастное существо рождается?» Однако это не мешает человеку, не сознающему истинного значения слова «свобода», истолковать его по-своему и обрести ее иллюзию в случае умелого управления людьми, то есть слово «свобода», являясь

символическим, обретает значение, задаваемое человеком-властителем, выгодное для укрепления его власти.

Эта «свобода» не имеет ничего общего с первоначальным значением, предлагаемым Христом, что отмечает сам инквизитор: «знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что *свободны вполне*, а между тем *сами же они принесли нам свободу свою* и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, *такой ли свободы?*».

Здесь следует обратить внимание на одну из ключевых особенностей «спора» инквизитора с Христом, а именно, его «односторонность». Легенда о Великом инквизиторе – монолог инквизитора (при молчащем собеседнике). Все мысли и возможные возражения Христа восстанавливаются и формулируются самим инквизитором. Ярким примером тому может послужить следующее: «Ты возжелал *свободной* любви человека, чтобы *свободно* пошел он за тобою, *прельщенный* и *пленный* тобою». Здесь налицо явное искажение изначальной семантики слова «свобода»: слова «*прельщение*» и «*пленение*» противопоставлены значению слова «свобода» у Христа, о чем говорит сам инквизитор, но он же приписывает своему собеседнику желание прельстить и поработить человека. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, инквизитору знакомо первичное значение слова «свобода» в употреблении Христа, с другой, он наделяет Христа стремлением к власти, свойственным ему самому, вводя новые определения «свободы» как иллюзии.

В рассуждениях старца Зосимы значение этого слова также включает семы «видимость», «мнимость», но в целом его семантика значительно богаче и сложнее. Вновь обращаясь к значениям слова «свобода», приводимым в МАС, отметим, что для этого текста актуальным является первое, наиболее общее значение: «Способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости». В этой формулировке для нас значимо указание на положительный компонент значения, отмечающее осознание человеком своих целей и интересов, в то время как в ранее приводимых значениях *свобода* трактовалась лишь как противление, противостояние чему-либо. В речах Зосимы неоднократно встречается указание на компонент *созидательности*, присущий истинному значению слова «свобода», который противопоставляется мнимой «свободе», предлагаемой

человеку инквизитором: «Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже преумножай», – вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу» [1, 14, 284]. Такая «свобода», по словам старца, служит «отъединению» людей, стирает для них понятия «братолюбия», «братства», «целостности». Значению слова «свобода», которую проповедует инквизитор, если опираться на рассуждения Зосимы, присущи семы *мнимости, рабства, преклонения, вседозволенности, подавления* одним человеком другого, *удовлетворения собственных земных потребностей* путем получения власти. Такая «свобода» неминуемо делает человека рабом собственных прихотей, лишая его «свободного выбора в познании добра и зла», о котором говорил инквизитор, признавая невозможность этого для слабого человека-бунтовщика. В данном случае семантика *добра и зла*, как относящаяся к сфере духовной жизни, вовсе снимается и подменяется значениями, основанными на личной выгоде как единственном критерии оценки правильности человеческих действий.

Зосима противопоставляет этой мнимой «свободе» иную, истинную, духовную. Путь ее постижения – это всегда путь самоограничения, отрешения от земного, внешнего во имя обретения *свободы духа* и приближения к высшей правде: «Над послушанием, постом и молитвой даже смеются, а между тем лишь в них заключается путь к настоящей, истинной уже свободе: *отсекаю* от себя *потребности* лишние и ненужные, *самолюбивую* и *гордую* волю мою *смирять* и *бичую* *послушанием*, и *достигаю* тем, *с помощью божьей, свободы духа*, а с нею и *веселья духовного!*» [1, 14, 285]. Интересно, что в лексико-семантической системе Зосимы слова «свобода» и «послушание» контекстуально синонимичны, в то время как у инквизитора они всегда являются антонимами.

Таким образом, и в речи инквизитора, и в речи старца Зосимы лексема «свобода» обретает яркую морально-оценочную семантику. Весьма важно, что инквизитор в конце концов оставляет в опустошенном им значении этого слова лишь сему *отрицания*, в то время как у Зосимы «свобода земная», также имеющая отрицательный оттенок значения, противопоставлена высшей *свободе духа*, ко-

торая не просто *положительна*, но прямо отражает христианские ценности и идею *спасения* человека.

Появлению отрицательного морально-оценочного компонента значения исходно нейтрального слова в обоих случаях предшествует десемантизация. В исследуемых текстах мы сталкиваемся и с первичным значением слова «свобода», и с его вторичным означиванием [6], и с полным опустошением семантики и замещением ее оценочным компонентом.

Семантика слова во многом определяется системными отношениями значений, как синтагматическими, так и парадигматическими. В то время как у инквизитора слова «*преклонение*», «*господство*», «*послушание*» всегда антонимичны «*свободе*», у Зосимы *послушание*, напротив, является путем к *свободе*, как и *служение* одного человека другому. Последнее, ярче всего выражаясь формулой «все должны один другому *служить*», становится ответом на мысль инквизитора о невозможности *свободы* одного человека от другого на земле: «Без слуг невозможно в миру, но так сделай, чтобы был у тебя твой *слуга свободнее духом*, чем если бы был не слугой. И почему я не могу быть *слугою слуге* моему» [1, 14, 288].

Идее взаимного *служения* и *вины* каждого за всех противопоставлена необходимость *власти* «*сильных*» над «*слабыми*», доказываемая инквизитором. Составляя антонимическую пару со словом «свобода» в системе понятий инквизитора, само слово «*власть*» автоматически приобретает положительную оценочность. В идеологической системе инквизитора *властью* решаются три главных вопроса человечества: «пред кем *преклониться*, кому *вручить совесть* и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный *муравейник*»; *властвующие* способны дать *слабым* их «*детское счастье*»; наконец, сильным аргументом в пользу положительного оценочного значения слова «*власть*» у инквизитора является его связанность представлением об истинно *христианских добродетелях*, таких как *жертвенность, добровольное страдание во имя человечества*: «И все будут *счастливы*, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем *несчастливы*. Будет тысячи миллионов *счастливых младенцев* и сто тысяч *страдальцев*, взявших на себя *проклятие познания добра и зла*» [1, 14, 236].

На последнем замечании хотелось бы

остановиться особенно. С одной стороны, монолог инквизитора имеет целью доказать ошибочность действий Христа, что позволяет Алеше, выслушавшему рассказ брата, заключить: «Инквизитор твой не верует в бога, вот и весь его секрет», а Ивану с ним согласиться. Но отметим тот факт, что при «безбожии» или, как минимум, неприятии правды Христовой, инквизитор, излагая свою систему ценностей, пользуется христианскими понятиями *любви, добра, жертвы, страдания за другого* и т. д. Значения самих этих слов, разумеется, отличаются от значений, предлагаемых Зосимой, но само их употребление, именно благодаря их первичным, христианско-религиозным значениям в русском языке, в глазах читателя становится весомым риторическим аргументом в пользу позиции инквизитора.

Таким образом, слова «свобода», «служение», «послушание», «любовь», «счастье» являются символическими, то есть их значение определяется этико-идеологической позицией говорящего. Именно эта особенность делает их ключевыми для исследуемых текстов, текстов, в сущности, риторических, основывающихся на обосновании, доказательстве правоты той или иной идеи посредством создания некоей особой системы словесных значений, взаимоопределяющих друг друга. Естественно, что различие первичных идей влечет за собой различия в семантизации используемых символических слов и их отношений в рамках противопоставленных систем. Верно и обратное [7].

У инквизитора из идеи *любви* к «слабому» человечеству рождается стремление *властвовать* над ним. Так возникают в этом тексте парадоксальные структуры, сводящие в рамках единой причинно-следственной связи *любовь к человеку* и осмысленно даваемое ему *разрешение на грех*: «позволяем же им *грешить* потому, что их *любим*, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя» [1, 14, 236]. Инквизитором подобное *оправдание любовью* представляется как некое откровение, противоположаемое учению Христа и его *любви к человечеству* (вспомним утверждение инквизитора о том, что Христос, не отняв у людей *свободы*, поступил «как бы и не любя их вовсе»). На самом деле, противоречия здесь нет, а есть две идеологии и, как выражение их, две лексические системы, основанные на разных значениях слова «любовь». Попытаемся установить эти значения. Для инквизитора значение слова «любовь» определяется желанием «сделать людей счастливыми».

Счастье при этом понимается как освобождение человека от неразрешимых вопросов и *удовлетворение его земных потребностей*, символом которых становится «хлеб земной». Таким образом, значение слова «любовь» сводится к устремлению создания *иллюзии свободы* и сотворения «детского» человеческого счастья, основанного на получении вдоволь «хлеба земного». Обращаясь к приведенной фразе, следует отметить, что такое понимание *любви* имеет мало общего с традиционным (христианским) значением этого слова, о котором речь пойдет далее, и, следовательно, не обнаруживает противоречия понятию *любви* к человечеству и *разрешения греха*.

Иное значение слова «любовь», иллюстрируемое фрагментами Священного Писания, предлагает в своей системе старец Зосима. Обращаясь к уже рассмотренной лексической параллели «любовь» – «грех», попытаемся установить соотношение этих лексем в тексте Жития, для чего сравним фрагмент поучения старца «*любите человека и во грехе* его, ибо сие уж подобие *божеской любви* и есть *верх любви* на земле» со словами, произнесенными некогда таинственным посетителем Зосимы: «*Как я смею любить*, учить и воспитать их, как буду про добродетель им говорить: *я кровь пролил*». Противоречия в этих фразах нет, семантика слов «любовь» и «грех» в них одинаковы, соотношение же их определяется, как несложно заметить, различием *объекта и субъекта* любви. *Объектом любви* может и должен стать каждый, вне зависимости от его греховности (это и есть «подобие божеской любви»), а вот для *субъекта*, человека *любящего*, жизнь *во грехе* невозможна. *Любовь* отторгает *грех*, требует *покаяния* («*Как я смею любить... я кровь пролил*» [1, 14, 279]). В этом и есть, по мысли Зосимы, очищающая сила любви, сила избавляющая, поэтому и *ад человеческий* определяется им как «*Страдание* о том, что нельзя уже более *любить*» [1, 14, 292]. Возвращаясь к причинно-следственной связи в рассуждении инквизитора, желавшего разрешить человеку грех из любви к нему, понимаем, что речь здесь не может идти о *любви христианской*, поскольку, разрешая кому-либо грех, разрешающий прежде всего *берет грех на себя*. Таким образом, смешение значений закладываемых Зосимой и инквизитором в слово «любовь» невозможно, а выстраиваемые ими доказательства могут существовать лишь в отдельных, особых установленных системах лексико-семантических отношений.

Обратимся к еще одному фрагменту по-

учения старца Зосимы: «Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «взять ли *силой*, али *смирною любовью*?» Всегда решай: «возьму *смирною любовью*». Решись так раз навсегда, и весь мир покорить возможешь. *Смирение любовное* страшная *сила*, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» [1, 14, 289]. На первый взгляд, парадигматические отношения выделенных слов и определяемые ими идейные соответствия кажутся абсурдными: сперва слово «*сила*» обозначается как антоним «*смирной любви*», затем «*смирение любовное*» определяется семой «*сила*». Очевидно, что это не случайно. Данный фрагмент является ярким примером того, как и в рамках идеологической системы одного персонажа одно и то же слово может обретать различные значения. В первом случае семантика слова «*сила*» явно заимствуется у инквизитора, для которого взаимозаменяемые лексемы «*власть*», «*сила*», «*авторитет*» антонимичны «*смирению*», «*преклонению*». Во втором же случае слово «*сила*» имеет иное значение, наиболее близкое к словарному «способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных или душевных свойств». Также следует обратить внимание на синтагматические отношения слов на примере словосочетаний «*смирная любовь*» и «*смирение любовное*». Если в первом случае смирение становится определением, качеством, присущим любви, во втором – само слово «*смирение*» является главным. То есть слово «*любовь*», антонимичное жажде *власти* и стремлению взять ее *силой авторитета*, обретает в своем значении сему «*смирение*», в то время как семантика слова «*смирение*» позволяет вновь соотносить его с лексемой «*сила*», но уже в новом ее значении.

Прямое противопоставление значения слова «*любовь*» у Зосимы значению слова «*сила*» у инквизитора представляется ответом на желание последнего овладеть *властью* над человечеством *из любви* к нему. Лишь в «*смирной любви*» и «*смирении любовном*», высших точках служения человека истинной любви, заключается его духовная сила и способность покорения мира. Разумеется, значение слова «покорение» здесь не имеет семы «лишение свободы» (ср. в легенде о Великом инквизиторе: «откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся»), так же, как «служение» представляется Зосиме проявлением *свободы*, «*смирение*» дает человеку *силу*. Вновь отметим, что в системе значений этих

слов у инквизитора подобные связи кажутся абсурдными.

Далее рассмотрим семантику слов «*чудо*» и «*тайна*». Инквизитор призывает «пленить совесть» человека тремя силами: *чудом*, *тайной* и *авторитетом*. Проанализировав значения этих слов в морально-этической системе инквизитора, приходим к выводу, что все они являются по сути лишь средствами для порабощения человека и обретения власти над ним. «*Тайна*» и «*чудо*» полностью вписываются для инквизитора в рациональную картину мира и являются способами достижения конкретной цели и иллюзией их прямых значений, вверяемой слабому человеку, который «ищет *не столько бога, сколько чудес*». Здесь мы также имеем дело с явлением, определяемым Р. Бартом как «вторичное означивание языкового знака» [6]. Аллегорическое представление инквизитором «*тайны*» как слова-знамени, за которым должно пойти «*послушное стадо*», приобретает в его рассуждениях гротескную форму: «мы сядем на зверя и воздвигнем чашу и на ней будет написано: “*Тайна!*”» [1, 14, 235]. Прямого же значения слова «*тайна*» как чего-то скрытого, непостижимого, у инквизитора мы не находим.

Зосима же, напротив, «*тайной божией*» объясняет и непостижимую сущность *любви* господя к детям своим, и смену страдания *счастьем* в человеческой жизни. Слова «*чудесное*» и «*тайное*» для Зосимы крайне важны, поскольку их значение можно определить как «то, что принимается *на веру*», а значит и саму «*веру*» в бога-хранителя и создателя этих *тайн* и *чудес*. *Тайны же земные*, человеческие секреты, напротив, не представляет интереса для Зосимы: «на что мне *тайны* его, вижу и без сего, что *праведен* человек» [1, 14, 275].

Здесь значение слова «*праведность*» – «*служение правде божией*», а «*правда*» – божья *мудрость*, данная человеку как свидетельство божьей воли на земле: «а надо всем то *правда божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая!*», «Господь не в силе, а в *правде*», «Поймут все подвиг ваш, – говорю ему, – не сейчас, так потом поймут, ибо *правде послужили, высшей правде, неземной...*» [1, 14, 280]. Значение слова «*правда*» у Зосимы очень близко определению Н.К. Михайловского: «Всякий раз, когда мне приходит в голову слово «*правда*», – пишет он, – я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой... Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним

и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [8, 19].

Слова «*истина*» и «*правда*» в Житии являются синонимами, они могут использоваться в рамках одного предложения и общего контекста, поскольку оба несут в себе главную для них сему «*справедливость*»: «не побоялись *истине* послужить в таком деле, в каком рисковали, за свою *правду*, общее презрение от всех понести».

Другое соотношение семантических значений этих слов встречаем мы в речи инквизитора: значение слова «*истина*» у него имеет сему *рациональности, практической значимости, верности*: «И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил тебе в трех вопросах, и что ты отверг, и что в книгах названо “искушениями”?» [1, 14, 229]. Слово «*правда*» в речи инквизитора почти не встречается, что неудивительно, ведь, по инквизитору, закона высшего не существует, а вся власть сосредоточена в руках *сильных* людей, сумевших *овладеть свободой и совестью* ничтожных бунтовщиков. Здесь слова «*правда*», «*истина*» подменяются другими словами, вписывающимися в рациональную систему ценностей, такими как «*право*» и «*правота*»: «Имеешь ли ты *право* возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел?» – спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, – «*нет, не имеешь*, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле», «*Реши же сам, кто был прав*: ты или тот, который тогда вопрошал тебя?» [1, 14, 230].

Прямое противопоставление слов «*право*» и «*правда*» встречается в следующих параллельных контекстах: «*правы* мы будем или *солжем*?» (Легенда о Великом инквизиторе), «*сущую ложь за правду считаем*» (Житие старца Зосимы). В первом случае «*лжи*» противопоставляется «*правота*», во втором – «*правда*». Второй случай отражает привычные нам представления о данной антонимической паре и вряд ли нуждается в комментариях. Противопоставление же, предложенное инквизитором, не только еще раз указывает на соотношенность значений слов «*право*» и «*правда*» в исследуемых текстах, но и подчеркивает отсутствие в системе ценностей инквизитора *правды* как таковой, а соответственно, и искажение значения слова «*ложь*». *Ложь* у инквизитора есть не отсутствие истины, а отсутствие правоты, власти, выгоды, рационального начала.

Другим примером параллельных контекстов, демонстрирующих лексически суть противоречия Зосимы и инквизитора, может служить их спор о «*земном*» и «*небесном*», или «*высшем*». Слова «*земное*» и «*небесное*» противопоставлены как в речи инквизитора, так и в поучении Зосимы, но если инквизитор говорит о земном и небесном хлебе, в тексте Жития «*правде земной*» противопоставляется «*высшая правда*». Таким образом, при сохранении общего значения противопоставляемых лексических единиц, главные слова словосочетаний берутся персонажами из разных сфер: материальной и духовной, что еще раз свидетельствует о рациональности представлений инквизитора и чуждости всему этому Зосимы.

Как и в случае с различными значениями слов «*чудо*», «*тайна*», «*свобода*», словосочетания «*хлеб земной*» и «*правда земная*» не могут заменить друг друга, поскольку относятся к различным идейным и семантическим системам. Каждое из них может функционировать лишь в рамках лексико-семантических отношений заданных идеологической позицией того или иного героя. Именно эта особенность романа Достоевского предает ему знаменитую полифоничность. Вспомним высказывание М.М. Бахтина о сущности диалога у Достоевского: «Повсюду – определенная совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному. Предметом авторских устремлений вовсе не является эта совокупность идей сама по себе, как что-то нейтральное и себе тождественное. Нет, *предметом является как раз проведение темы по многим и разным голосам*, принципиальная, так сказать, неотменимая многоголосость и разноголосость ее. Самая расстановка голосов и их взаимодействие и важны Достоевскому» [9, 286].

Таким образом, выделив в качестве примера лексико-семантических связей изучаемых текстов смысловые отношения наиболее значимых с точки зрения идейного наполнения ключевых слов, мы выяснили, что эти слова являются символическими и обретают то или иное значение лишь в конкретной мировоззренческой семантике. В разных лексико-семантических системах для одного и того же слова устанавливаются различные варианты синонимических и антонимических пар, и значение каждого ключевого слова определяется с помощью значений других.

В рассмотренных текстах ключевых эпизодов одной из вершин творчества Ф.М.

Достоевского – романа «Братья Карамазовы», лексико-семантические взаимодействия не только ясно обнаруживают себя, но и являются особенно значимыми, поскольку на них основывается романная полифония. Как показало настоящее исследование, системы трансформированных в художественном контексте лексических значений ключевых слов, лежащие в основе противопоставляемых мировоззренческих и морально-этических систем, настолько близки, а сами словесные значения настолько отличны друг от друга, что создают в тексте особые «голоса», которые, сталкиваясь в споре, противопоставляются как несовместимые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 14–15. – Л., 1976. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Чичерин А.Н. Достоевский – искусство прозы // Достоевский – художник и мыслитель. – М., 1972.
3. Грайффенхаген М. Борьба за слова: политические понятия в дискуссиях // Язык и идеология. – М., 1987. – С. 171–174.
4. Шайкевич А.Я., Андрищенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. – М., 2003.
5. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т.

– М., 1999.

6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
7. Григорьев В.П. К спорам о слове в художественной речи // Слово в русской советской поэзии. – М., 1975. – С. 5–75.
8. Зеньковский В.В. История русской философской мысли. – Париж, 1989.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.

О. Tkachenko

LEXICAL AND SEMANTIC CONNECTIONS OF THE TEXTS OF THE LEGEND ABOUT THE GREAT INQUISITOR AND THE LIFE OF THE ELDER ZOSIMA IN F. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE BROTHERS KARAZOV»

Abstract. Article is devoted to the revealing and the analysis of system of values of key “symbolical” words in texts of two «ideological centres» of the novel, and also to the description of semantic processes and transformations in this system, important for the formation of the writer's idiosyncrasy and the composition of «The Brothers Karamazov».

Key words: lexical and semantic connections, lexical and semantic field of a moral appraisal, “symbolical” words, semantics, idiosyncrasy of F. Dostoevsky.

УДК 811.161.1' 06

Трифонова Ю.А.

БУКВОСОЧЕТАНИЯ «ЦИ» И «ЦЫ» КАК ЭЛЕМЕНТЫ ИДИОСТИЛЯ*

Аннотация. Правописание гласных «И» и «Ы» после «Ц» является закономерным элементом языкового сознания отдельных личностей. В связи с этим вызывает интерес употребление слов с «ЦИ» и «ЦЫ» в текстах. С развитием художественного творчества увеличивается частота использования словоформ с «ЦИ» – «ЦЫ», усложняются формы отражения действительности в творчестве современных писателей. Анализ соотношения частоты использования словоформ с «ЦИ» – «ЦЫ» позволяет характеризовать особенности идиостиля писателя.

Ключевые слова: стиль, идиостиль, авторская индивидуальность, языковое сознание, детерминантные свойства русского языка, буквосочетания «ЦИ» и «ЦЫ».

Художественное произведение всегда отмечено авторской индивидуальностью, специфическим, уникальным стилем, получившим название идиостиля. В некоторых случаях для характеристики идиостиля большое значение имеет статистический анализ, потому что даже по распределению букв можно говорить об отличиях одного писателя от другого. Например, использование буквы «Ф». В поэтических произведениях Пушкина, Лермонтова, Крылова и других русских классиков буква «Ф» почти не встречается. Обнаруживается и другое – каждое слово русского языка, в котором в начале, на конце или в середине пишется буква «Ф», на проверку оказывается словом не исконно русским, а пришедшим к нам из других языков. По этому поводу Л.В. Успенский [1973, с. 121] писал, что «стихотворения наших по-

* © Трифонова Ю.А.